

Григорий Померанц, Зинаида Миркина

Вселенское дыхание

Часть 3.

«Я» без скорлупы¹

Мой Боже, вновь Ты говоришь со мной.
День пасмурный, спокойный день лесной.
Безветрие. Не движутся листья,
Но рядом Ты. Все время рядом Ты.
И скорлупа ломается моя,
И я вхожу в безмерность бытия,
Сливаюсь очень медленно с Тобой,
Как с этой нежной, сизо-голубой
Полоской неба над моим окном,
Как с веткой, заглянувшей в мой дом.
О, как глаза людей еще слепы!
Ты – это я без всякой скорлупы.

Что же скрывается за мыслимой скорлупой повседневности? Подобие ядра ореха или нечто текучее, несущее в себе будущего цыпленка жар-птицы? Или за скорлупой – сгустившийся дух творчества, веющий, где хочет? Но тогда можно представить себе резонанс нескольких мыслимых возможностей². Воспользовавшись гипотезой академика Сырника, я допускаю резонанс и метафоры ядра без скорлупы с метафорой залива, связанного с бескрайним океаном. Где волны то заносят океаническую воду, наполняя собой очертания берегов, то возвращаются в бескрайность.

¹ Основной текст – Г.Померанца, поправка, стихи и post-scriptum З.Миркиной.

² Вскоре после войны газета «Правда» критиковала академика Сырника, предложившего рассматривать реальную молекулу как резонанс нескольких мыслимых структур органической химии.

Чем качественно богаче то, что скрывается за скорлупой, чем безмернее его возможности, тем труднее охватить их единым взглядом, труднее увидеть целое, свернутое в жгут метафоры, а потом развернуть его в систему понятий. Чем глубже проблема, захватившая ум, тем труднее обособить в ней угол, где действуют строгие законы. Во всяком случае, все законы, устанавливаемые людьми в делах человеческих, логически неизбежно вели к казни Антигоны или к убийству старухи-процентщицы. Это в лучшем случае; а в худшем – идея, признанная безусловно истинной, требует нескольких миллионов голов и ведет к исторической катастрофе.

Целостность природы, общества и целостность человека не делится без остатка на факты, которые можно обособить, рассчитать и сосчитать. Это показал Достоевский в сценах суда над Митей Карамазовым; хотя роман неоднозначен. Все жизненно важнейшие вопросы остаются там открытыми и решаются лично, порывом сердца, прошедшим через муки сомнений. Невозможно точно ответить, в чем смысл жизни, можно только показать пример, как ты его решил. Перед вопросами Гамлета математика, королева точных наук, теряет свой престол. Правда открывается только бесконечной глубине сердца, равной бесконечности вселенной. Христос почувствовал эту правду и не осудил грешницу, но прием, которым он загнал фарисеев в тупик, разрушает всю систему права и не может быть пущен в общий оборот. Кто из нас без греха? В лагере я заметил, что убийцы из ревности, в припадке гнева, не искавшие никакой корысти, – явно выделяются из преступного мира. По душевному складу они похожи на меня самого, в иные мгновения. Я знал в молодости вспышки чувства, помрачавшие ум.

Значит ли это, что убийство, заслуживающее снисхождения, не должно быть вовсе наказано? Или, напротив, каждый человек, не способный совладать со вспышкой гнева, – преступник на страшном суде? Я думаю, верно второе. И каждому, вспоминая свои обиды, глубина велит подумать: простил ли я своего обидчика, не ведавшего, что творит?

Духовное неведение твердо господствует в прикладных версиях точных наук. И в исторически первой точной науке, в римском праве, оно было юридически четко высказано: *fiat justitia, pereat mundus*. Да здравствует право, закон, справедливость, – хотя бы мир погиб. Ученый, создававший водородную бомбу, закончил свои размышления о нравственной ответственности словами: «в конце концов, это превосходная физика». В переводе не метафорику римских юристов это звучало бы так: «Да здравствует физика, хотя бы мир погиб!» То, что было метафорой в древности, реализовалось в XX в. Развитие западной цивилизации, наложившей отпечаток на весь мир, пошло по дороге, где на каждом повороте ждет катастрофа. Могущество средств, оказавшихся в руках человечества, обогнало власть духа, способного удержать злоупотребление своим могуществом, и мы давно вошли в зону смертельного риска.

Приведу один пример: Андрей Дмитриевич Сахаров разрабатывал проект взрыва, способного вызвать гигантскую волну в океане и затопить восточные штаты Америки. Его отговорили старшие коллеги, и только тогда он стал думать о нравственной ответственности физика и вошел в историю как пример ученого, для которого «превосходная физика» перестала быть высшей ценностью. Человечество не переменилось вместе с Сахаровым. И современная техника, нарастая, непременно разрушит биосферу, даже без войны, без применения ядерного, бактериологического и какого угодно оружия, простым своим ростом. Биосфера не рассчитана Богом на чудеса техники. Она рассчитана на людей, сознающих себя частью биосферы, а не машинного парка, людей, которым доступно целостное сознание и целостное чувство ответственности.

Екатерина Кольшикина (в первом замужестве де Гук, во втором Дохерти) писала, что для спасения человечества нужны миллионы святых. Я думаю, речь у нее шла не о миллионах канонизаций, но о совести, дошедшей до капли святости, в сознании специалистов, слишком узком для решения сегодняшних задач.

Более того. Я склонен думать, что культуры планет, разбросанных в пространстве и времени, как-то влияют друг на друга и в вечности образуют неразрывное царство духа. И не надо вносить в это царство свою смуту. Ответственность перед космосом не может быть доказана, ум здесь смолкает, но сердце готово его принять. Пусть это только вера; но картина нарисованная в «Розе мира», захватывает меня, и мне не нужно приземления НЛО и подписания вселенской хартии безопасности, чтобы почувствовать единство космоса.

Мир не исчерпывается точно установленными атомарными фактами. Мир имеет еще другое, целостное лицо, лик целостной вечности. Через вечность можно иногда мгновенно заглядывать в движение времени, еще не ставшее фактом, в реальность, уже угасшую или свершившуюся в неведомой дали. Известны случаи предвидения, неточного только по описанию. Например, Нострадамус предвидел, что будут летать железные стрекозы (не зная таких слов, как бомбардировщики, истребители и т.п.) Нелепая форма (стрекоза из железа) не должна нас смущать. Заглядывая вперед, духовидцы досматривают смутно увиденное сквозь пёстрое стекло привычных, повседневных образов.

Иногда такие образы включаются и в научную интуицию. Так, Кекуле увидел во сне структурную формулу бензола как змею, кусающую себя за хвост. Но паранормальные заглядывания могут быть и совершенно точными. Ломоносов увидел во сне отца, указавшего ему на остров в Белом море, где лежал его непохороненный труп. Михаил Васильевич поехал туда, нашел тело отца и похоронил.

Заглядывание сквозь время, сквозь пространство, телепатия, телекинез и т.п. встречается у цыганок, у шаманов и знахарей чаще, чем среди ученых. Современная цивилизация перегружает ум лавинами фактов, сдавливающих ум своей массой, и все труднее обозреть жизнь в целом, уловить ее общий ритм, понять роль молчания ума в созерцании. Все дальше от нас глубинная реальность, где будущее и прошлое, близкое и далекое сплетаются в один

узел. Хочется вспомнить слова Николая Кузанского об «ученом незнании», об ограничении круга обозреваемых фактов уровнем, при котором еще возможен интуитивный охват их в цельном образе.

В донаучных культурах это проще. Покойный генерал П.Г. Григоренко рассказывал мне, что лет 16-ти он показал руку цыганке, и та предсказала ему тяжелую старость. Оказавшись в советской карательной психушке, он это вспомнил. О шаманах написал книгу американский ученый Хорнер, тридцать лет их изучавший и в конце концов ставший практикующим шаманом. Другой факт сообщила мне Ирина Воге, переводившая беседу азербайджанского поэта–дервиша с шаманом из норвежской части Лапландии (дервиш говорил по-русски, а шаман работал норвежским инженером–экологом). Это очень интересный случай пересечения традиций.

Дервиш, только что вышедший из азербайджанской тюрьмы, бледный смертной бледностью, искал политического убежища, но прежде всего просил свести его с «настоящим» шаманом. Шаман вскоре отыскался. Поэт–дервиш задал ему несколько вопросов. Привожу ответы, записанные Ириной Воге по памяти.

«В нашей культуре человек и космос – одно целое, и когда нарушается эта целостность, происходит все, что мы сегодня наблюдаем. Отрыв от космоса – источник зла, дисгармонии. Целостность – один из аспектов Бога».

«Если женщина для тебя не богиня, то ты ее используешь. В жене надо видеть богиню».

После беседы дервиш попросил освободить его от ненависти, с грузом которой ему трудно жить. Вместо ответа шаман взял бубен и 2-3 минуты поиграл на нем.

«Звуки бубна, – продолжала свою запись Ирина Воге, – перенесли нас троих в какой-то более тонкий и светлый мир, и это состояние оставалось со мной до конца дня».

После беседы дервиш поблагодарил шамана, а тот, в свою очередь, поблагодарил дервиша за характер его вопросов. Подобные вопросы, – сказал, – задают ему редко и немногие.

Я думаю, что наследие архаических культур может во многих случаях интегрироваться в современность. Логика науки должна быть дополнена метафорикой целостной реальности, разворачивающей перед нами свои аспекты, недоступные постдекартовскому и постньютоновскому уму. Одним из аспектов этого диалога может стать и сам созерцатель, переставая быть изолированным атомом. Его сознание расширяется и движется к самосознанию вселенной.

С этой оговоркой я использую и метафору духовного океана, создающего свои заливы в каждом новорожденном, а иногда и во взрослом человеке. Внезапно возникшие «заливы» дают нам порой необычайную силу.

У меня было однажды впечатление, что мы окружены незримым духовным океаном и нужно только чрезвычайное состояние, близкое к стрессу, чтобы пробить слой повседневности, открыть океану дорогу в наш скромный овражек и превратить его в широкий фиорд. Во всяком случае, было чувство силы, льющейся в меня откуда-то с затылка, и эта сила возродила чувство полета над страхом, испытанное на войне.

Здесь хочется перейти к опыту Даниила Андреева, немного более глубокому и обширному, чем мой. В видениях Андреева сказываются игры его воображения, но образ духовного космоса, который он создает, содержит в себе драгоценное зерно истины. Это своего рода эскизы, играющие в духовидении роль, подобную роли гипотез в научной мысли, в становлении теории.

Особое место в расширении нашего сознания занимает то, что Андреев пережил на реке Неруссе. Там не было никаких воображаемых конструкций, а только целостный взгляд на земную жизнь, ставшую текучей и переливающейся через его душу. Могучий поток разрушил границы между фактами, между созерцателем и созерцаемым, и сознание из помраченного

(как говорят дзэнцы) стало просветленным, узревшим мир осколков как целостность, протекающую через сердце. Здесь невозможно и ненужно вышелушивать зернышки истины из шелухи ореха. Чувствуется взрыв сознания, оказавшегося возле рычагов пространства и времени и готового овладеть ими. Впоследствии, не дождавшись повторного взрыва той же силы, Андреев стал дополнять отрывочные видения своим художественным воображением, – не всегда удачно. Это, увы, судьба почти всех духовидцев, в том числе канонизированных. Многие канонизации спорны. Достаточно упомянуть Николая Чудотворца, невероятные чудеса которого заставили католиков сбросить его в число «местно почитаемых святых». Между тем, у нас в стране есть поверье, что св. Николай входит в состав Святой Троицы. Обереги с ликами Христа, Богородицы и Николая чудотворца я встречал в такси, перед сидением водителя.

Практически невозможно провести черту между каноническими и апокрифическими чудесами. Можно указать только принципы отбора: апокрифический святой, подобно волшебнику, стремится поразить и ослепить воображение; подлинное чудо просветляет и преображает.

К издержкам средневековой традиции я отношу почти все, что относится к идее бессмертия души. Человек чувствует иногда в глубине сердца что-то вечное; но оно ему не принадлежит. Скорее он сам принадлежит тому, что скрывается в недрах. То, что в человеке вечно, останется вечным, но оно, видимо, волеется обратно, как воды высыхающего залива в океан. Душа, или эфирное тело, или астральное тело может при этом надолго пережить физическое тело и дать, к примеру, приказ похоронить свое тело, как в случае с Ломоносовым.

Дальнейшие судьбы души, или астрального тела, или «тела превращения», как говорят буддисты, – описываются по-разному. Я убежден только в одном: то, что имеет начало, имеет и конец. Выход из плена времени окутан тайной.

Ты говоришь нам о другом,
Ты говоришь нам не о мире.
Ты говоришь нам языком
Взлетевших гор, небесной шири.
Спокойствием озерных вод,
Звездой на черном небосводе...
Ты говоришь нам: «Всё пройдет,
Но жизнь вовеки не проходит».
Речь и невнятна, и проста –
Ты оставляешь только знаки.
Ты говоришь, что красота
Есть лишь намек на мир инакий.
О, нет, не на другую плоть,
О, нет, не на другие земли –
На то, что ввек не обороть,
На то, чему пространства внемлют,
На то, что расстилает гладь
Небес над нашей углой крышей,
На то, чего не увидеть,
На то, чего нельзя услышать.
Немое горное плато,
Заката тающее пламя
Лишь намекают нам на то,
Чего нельзя назвать словами.
И кто намек беззвучный тот
Услышит, взглянет в наши лица
И тихо скажет: «Всё пройдет.
Но сердцу нечего страшиться».

Мне приходилось вспоминать определение вечности в словарики, составленном бенедиктинцами: «выход за рамки всякой двойственности, в

том числе двойственности начала и конца»³. То, что имеет начало, рано или поздно исчезнет. Океан вечности недвойственен, он не имеет начала и конца. Мы постигаем в себе вечное, как волну, всплеск. А что будет дальше?

Мне как-то снился странный сон. Он не был связан с каким-то внешним толчком. Я плыл в озере или море золотого света. Берега не было видно. Я знал, что не доплыву до другого берега, что я потону, но почему-то меня это глубоко радовало. Плавание было блаженным, и блаженным казался конец, слияние с чем-то высшим, чем я; но торопить этот конец почему-то нельзя было. Что все это значит? Может быть, другой берег – это еще одно рождение, а море золотого света – образ «Ты», к которому стремится «Я»?

Однако пойдем дальше. Я отношу к шелухе и образ неба как жилища Бога. Голубой купол – иллюзия нашего зрения, космическое пространство – холодная пустота. Всплеск Бога–Духа, присутствующий в нас, вернется к Духу. Будут ли это сразу или после новых рождений? Не знаю, но небо, вошедшее в разговор наших чувств, осталось в языке как метафора. Я бывал на седьмом небе любви. Небо остается для меня образом мистического чувства; я могу говорить о небесной музыке, о чувстве неба во фресках Дионисия. Слово небо может значить для молящегося многое. В том числе бездну космоса, в которой планеты, превзошедшие нас в святости (их, наверное, много) ведут с нами молчаливый разговор. Но непосредственно и повседневно я чувствую только ту волну духа, которая нашла приют в моем сердце, пусть ненадолго (Энтони де Мелло прав, мы редко туда заглядываем).

Если вернуться к моей любимой метафоре с океаном и заливами, то возникающими, то исчезающими, то королевский домен Бога – глубина человеческого сердца. Бог приходит туда, когда человек его пускает. Сердце чаще бывает закрытым, глухим, но бывает и разворошено страданием или переполнено счастьем, и тогда открыта дорога Богу-Духу, и волна океана создает новый залив. Бог легко входит в беззащитное сердце младенца, но

³ The good hearth. L., 1997.

чаще всего покидает его вместе с детством и не скоро и не легко притягивается нашей жадой – находит выражение в наших словах – и сохраняется, когда наше тело станет прахом, в любви тех, кого мы затронули.

Однако реальность, стоящая за образом неба – иная, чем рай, где Ева сорвала запретный плод. Мистическое небо ближе к образу Святого Духа, веющего всюду, или к буддийской Дхармакайе, «телу закона», объемлющему вселенную и находящему себе опору в каком-то числе воплощений. Рильке считал, что число их во вселенной сосчитано и неизменно. Я пытаюсь, по мере сил, призвать этот дух на помощь себе, как вселенское Ты, сопряженное и с моим Я вместе с бесконечным множеством других «я», хрупких, смертных, обреченных страданиям. Я созерцаю достигнутое сплетение я и ты в Троице Рублева и в Троице неизвестного японского мастера из древней Нары, тогдашней столицы. Смертное и бессмертное, мгновенное и вечное сплетаются у великих мастеров в неделимом единстве.

Мы смертные, а Ты бессмертен,
 Мы боль – Ты боль преодолел.
 Нам жизнь свои пределы чертит,
 А Ты есть выход за предел.
 Мы дрожь и плач. Ты твердь и счастье.
 Нас косит ветер, как листья,
 А Ты стихиям не подвластен.
 Но мне не я важна, а Ты.
 Ты скрыт от внешних нападений
 Внутри, в последней глубине.
 Я знаю: Бог мой совершенен,
 И это все, что нужно мне.

Такие образы и такие стихи – только метафоры, только подобия незримой вселенской Троицы. И наши молитвы – посильный отклик, большею частью ничтожный отклик в ответ на помощь, которую мы получаем и которая поддерживает нас. И сознание нашей зависимости от

вселенского дыхания вызывает потребность непрерывного ответа, непрерывного участия во вселенском вдохе и выдохе.

В этом вселенском дыхании участвуют и новые, и привычные метафоры. Привычные святыни не могут быть отброшены. Я пытался показать, что они требуют только нового истолкования, новой привязки к современной духовной жизни. Небо может стать зримым образом вселенской любви, связывающей нас с иными мирами, более совершенными, чем наш, и вдохновлять на молитвы за наших вселенских братьев и сестер, усилия которых противостоят инерции смерти. Бог – наше бессмертие. А мы созданы, чтобы в нас Бог вечно переживал любовь и смерть, воскресение – и новую жизнь.

А небо, небо обещало
 Всю жизнь мою начать сначала,
 А небо, небо говорило,
 Что непочат колодец силы.
 А небо открывало тайну,
 Как быть бесстрашным и бескрайним.

Зинаида Миркина

Post-scriptum к эссе «Без скорлупы»

У меня в сказках есть такое правило: на вопросы «как», «где» и «почему» волшебники не отвечают. Дело в том, что эти вопросы задает любознательный и часто очень любопытный ум, но не Душа. Для Души эти вопросы – праздные и потому неправильные.

Кришнамурти говорил, что только неправильные вопросы имеют ответ. Правильные вопросы ответа не имеют. Да, вопросы, которые задает наш ум, обращены к внешнему миру и имеют более или менее точные ответы вовне. Но эти ответы не нужны душе. Безразличны ей. Не она их задает.

Те вопросы, которые задает сама Душа, не имеют ответа вовне. Они имеют ответ внутри, в душе. И только там. Вовне – безмолвие.

Что там, на созвездьях? Откуда я знаю?
 Не знаю, что там в мировой глубине.
 Петляет и вьётся тропинка лесная
 И тайну стволы не поведали мне.
 Не знаю я, как я пришла и откуда
 И кто повелел мне когда-то: живи!
 Я только дивлюсь бесконечному чуду,
 Я только плыву в океане любви.
 Петляет и вьётся тропинка лесная,
 Бреду я и с иволгой вместе пою.
 Откуда я знаю, откуда я знаю
 Бездонную вечную душу свою?!

Да, душа не знает того, что ей и не нужно знать. Ничего – о строении Вселенной, о прошлом и будущем. Ей нужно знать только о самой себе сейчас, в настоящем. Никто из вне не ответит ей на вопрос о том, конечно она или бесконечна, мгновенно ли ее настоящее или вечно.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, она должна обратиться в свою глубину, спуститься в глубокую темную шахту и найти там источник света. И все, что отвлекает ее от этой работы, враждебно ей, уводит ее от источника жизни вдаль, в сторону – к смерти. Мы живем во внешнем мире. И потому, конечно, вопросы, которые задаются, бывают необходимы для жизни нашей на земле. Но вопросам этим нужно ограничение – только то, что необходимо и что не отвлекает от души. Не уводит из глубины на поверхность. Душа должна дышать, а не задыхаться в нас.

Есть рассказ о том, как проводники из племени шерпа внезапно остановились на горной дороге. Путешественники спросили, почему? И шерпа ответили: «Мы слишком быстро шли. Наши души не успевают за нами».

Прислушивание к душе, понимание того, что нужно ей – вот наша первая задача. Может ли ребенок знать о половой любви, «скользящая тварь» о «непоявившихся крыльях», живой о посмертии? У ребенка и у существ с бугорками на месте будущих крыльев могут быть только смутные предчувствия, ощущения тайного роста чего-то неведомого там, в глубине души. Так, в стихотворении Гумилева «Шестое чувство»:

...Мальчик, игры позабыв свои,
 Следит порой за девичьим купаньем,
 И ничего не зная о любви,
 Все-ж мучится таинственным желаньем.
 Так некогда в разросшихся хвощах
 Ревела от сознания бессилья
 Тварь скользящая, почуяв на плечах
 Еще не появившиеся крылья.

Так мы ждем своего преображения. Бессознательно, смутно. Однако это смутное глубинное чувство дает душе гораздо более полную жизнь, чем все поверхностные развлечения, отвлекающие ее от движения вглубь, к самопостижению; вглубь – к источнику жизни.

Прекрасно в нас влюбленное вино
 И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
 И женщина, которою дано,
 Сперва измучившись, нам насладиться.
 Но что нам делать с розовой зарей
 Над холодеющими небесами,
 Где тишина и неземной покой?
 Что делать нам с бессмертными стихами?
 Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...

Да, вот он, главный вопрос, ставящий ум в тупик. Что нам делать с тем, с чем делать ничего нельзя? Остановиться. Замереть. Не опережать свою Душу. Дать Ей созреть в нас и самой ответить на необходимые вопросы.

Ни слова от себя, ни звука.
 В молчанье лес. Снега молчат.
 И вот окончилась разлука
 И настает глубокий лад
 С Тобою. Все тесней, все тише...
 И – боль подходит к рубежу.
 Нашепчешь Ты, а я услышу.
 Ты намолчишь, а я скажу
 Про эти вот разливы света,
 Про полногласье немоты.
 Я всё скажу, но только это
 Не я, а Ты, не я, а Ты.

И какая полнота жизни наступает, когда я молчу, а мое великое любимое «Ты» говорит!

И какая пустота, когда Оно молчит!.. И никак не замолкает мое маленькое рассуждающее эго. Знаменитое стихотворение Лермонтова кончается выводом: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка!» Стихотворение это все знают с детства:

И скучно и грустно и некому руку подать
 В минуту душевной невзгоды.
 Желанья? Что пользы напрасно и вечно желать?
 А годы проходят, всё лучшие годы.
 Любить? Но кого же? На время не стоит труда,
 А вечно любить невозможно.

Вот тут и остановимся. Невозможно? И некого? Ну тогда жизнь и впрямь пустая и глупая шутка. Но Лермонтов никак не может сказать этого в другие часы, когда он видит и слышит что-то гораздо большее, чем он сам, и не может не любить этого.

Выхожу один я на дорогу.
 Сквозь туман кремнистый путь блестит.
 Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
 И звезда с звездою говорит.
 В небесах торжественно и чудно.
 Спит земля в сиянье голубом.
 Что же мне так больно и так трудно?..

Почему? Почему так больно и так трудно? Ведь он чувствует – и как еще! – удивительный лад, гармонию вокруг. Он чувствует Бога, которому внемлет Пустыня, то есть простор, распахнутый, чистейший, затихший... Здесь всё в ладу друг с другом, здесь звезда с звездою говорит. А душа? Говорит ли душа с этим торжественным и чудным миром, как одна звезда с другой? Нет... не говорит. Здесь можно было бы поставить рядом слова другого поэта: «и почему же в общем хоре душа не то поет, что море, и ропщет мыслящий тростник?»

Душа никак не может войти в лад со своим Творцом и вместе с тем чувствует Его, тянется к Нему. Она ничего не ждет и ни о чем не жалеет. Она хочет только забыться и уснуть... «Но не тем холодным сном могилы я бы так хотел навек уснуть, чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб дыша вздымалась тихо грудь». То есть войти в полный лад с Божьим миром.

У Энтони де Мело я прочла такой разговор: «На вопрос, с чем можно сравнить просветление, Мастер ответил:

– Представь, что ты находишься в Пустыне и внезапно чувствуешь, что на тебя кто-то смотрит.

– Кто? – Скалы и деревья и горы.

– Жуткое ощущение. – Напротив, прекрасное, но поскольку это ощущение человеку непривычно, ему хочется убежать назад, к привычному миру людей – с его шумом, разговорами, смехом, – к миру, который отрезал нас от Природы и Действительности.

Вот оно что – это прекраснейшее чувство абсолютной полноты жизни, совершенного единства с миром нас пугает. Оно кажется нам пустотой, ужасом, потому что мы не можем обойтись без своей скорлупы, без той оболочки, которая нас защищает от нашей же бесконечности. Да, конечным, ограниченным быть легче, проще. Говорить с такой же как ты ограниченностью, огражденной скорлупой, куда проще и привычнее, чем с безграничностью. Нет, не слиться с Безграничностью, а противопоставить себя Ей в гордом самоутверждении:

И дик и чуден был вокруг
 Весь Божий мир, но гордый Дух
 Презрительным окинул оком
 Творенье Бога своего,
 И на челе его высоком
 Не отразилось ничего

У того же Энтони де Мелло есть другой рассказ. – В монастырь пришел посетитель и спросил Мастера: есть ли Бог?

– Если ты хочешь, чтобы я был предельно честным с тобой, то я не стану отвечать, сказал Мастер.

Позже ученик спросил у Мастера, почему он не ответил.

– На этот вопрос нельзя дать ответ, – сказал Мастер.

– Значит ты атеист?

– Конечно нет. Атеист совершает ошибку, отрицая то, что нельзя выразить словами.

Выдержав паузу, чтобы смысл сказанного дошел до учеников, он сказал:

– Теист, напротив, делает ошибку, утверждая то, что нельзя выразить словами».

Так как же можно ответить на вопрос, есть ли Бог? Не выражая это словами?

– Любовью, которая заполнила все твое существо, которая изливается из сердца каждый миг в ответ на Божью любовь такую же безмолвную, бессловесную, как твоя. Когда человек почувствует, что деревья, и горы, и звезды разговаривают с его душой, что они наполняют душу великим счастьем, что в разговоре с ними душа обретает, наконец, истинных собеседников, человек поймет ясно и неопровержимо, что Божий мир и есть великая любовь... Почувствовать красоту мира, как великую любовь, терпеливо ждущую нашего ответа – вот, что требуется от нас.

Человек, ответивший этому требованию, сломал скорлупу, отделявшую его от Бога и сказал: «Я и Отец – одно».

Нет, Он не стал равным Богу. Я очень много раз говорила о великом различии между равенством и единством. «Отец мой более меня» и все-таки «я и Отец – одно». Он называл себя сыном человеческим, был вполне человеком и одновременно сыном Божьим, потому что сломал все, что отделяло Его от Бога.

Звезда не перестала быть звездой, войдя в гармонию Вселенной, прислушиваясь к каждой другой звезде, ведя таинственный разговор с ней. Лист не перестает быть листом, оставаясь неотъемлемым от Дерева, пока он живой лист.

Вот эту неотъемлемость от Целого, неотделимость Сына человеческого от Бога не могли понять люди, отделенные от своего божественного Отца. Им было страшно и непонятно в Пустыне, где на тебя смотрят и с тобой разговаривают горы и деревья. Им страшно, неуютно и незащищенно в своей собственной безграничности. И человеку иному, чем они, человеку, который чувствует великую полноту жизни там, где они ёжатся от ужаса, такому человеку они не верят. И... убивают Его. Им нужна скорлупа –

ограниченность. Или ты человек, имеющий свои границы, или Бог, но тоже ограниченный нашими представлениями о Тебе. Отграниченный, отделенный от нас, не вмещенный внутрь нас.

Бог всемогущий, отстраненный от нас Владыка. Я – марионетка, которую он дергает за веревочки.

Но человек, назвавший себя сыном Божиим (а заодно и всех нас Его детьми), человек, сказавший «я и отец – одно» – такой человек не совместим с ходячими представлениями о Боге и человеке.

Между тем, наша насущная задача – узнать Бога внутри человека, увидеть Его внутри мира – доглядеть мир до его последней глубины, до Сути, до Сущего. Вечно. Во глубине мира есть вечная неиссякающая Любовь.

Никакие сверхъестественные явления, никакие увиденные глазами, показательные чудеса не дадут такого ощущения полноты и смысла жизни, как красота этого естественного мира, влившаяся в наше сердце, как великая Любовь.

Все тот же лес. Все гуще, глуше
 В чащобу, внутрь души маня,
 Какой поток любви обрушил
 Ты, Боже святой, на меня!
 И вот, воображенья тонет
 Смолкает в море бытия.
 Здесь Ты и я. Нет посторонних
 Здесь только мой Господь и я.
 Нет никакой мечты о чуде
 И о посмертии в раю.
 Когда ж узнать сумеют люди
 Сейчас и здесь Любовь Твою?!